

УСТРЕМЛЕННЫЙ В БУДУЩЕЕ

К 80-летию Алексея Николаевича Ермолаева

НА СНИМКЕ: А. Ермолаев в роли бога ветра Вайю (балет «Талисман»).

Передо мной фотография: юноша-бунтарь, разорвавший цепи земного притяжения, поднялся в облака и свободно парит в них. Какая гармония, какое совершенство линий, какая сила во всем его облике! Фотография эта давняя, но она удивительно современна. Но современна не техникой исполнения самой съемки. Ее современность определяет человек, изображенный на ней, — поистине, он олицетворяет победный полет человеческого разума и красоты. Изображение настолько впечатляюще, что можно проводить бесчисленное количество сравнений.

...1921 год. Алексей Ермолаев становится учеником Ленинградского хореографического училища. В 1926 году он — уже выпускник. Всего несколько лет занятий, но раскрывшееся за эти годы незаурядное дарование, особый склад творческого мышления юного танцовщика в сочетании с неистовой одержимостью и почти фанатической работоспособностью и упорством дали поразительные результаты. Восемилетнюю программу обучения он освоил в пятилетний срок, дважды переходя через класс. Венцом школьных успехов Ермолаева стало его выступление в выпускном спектакле «Талисман» на музыку Р. Дриго, специально возобновленном для него его педагогом В. Пономаревым. В роли бога ветра Вайю и запечатлен будущий ар-

НА СНИМКЕ: А. Ермолаев — Тибальд (балет «Ромео и Джульетта» в постановке М. Лавровского).

тист на той самой фотографии, с которой я начал свой рассказ.

Уже в стенах училища закладывается фундамент, формируются творческие принципы, которые исполнитель пронесет затем через всю свою жизнь. Но постигая все лучшее, что было достигнуто многими поколениями танцовщиков прошлого, юноша устремляется на поиски нового. Совершенствование танцевальных форм, расширение границ лексики танца путем создания и избрания новых движений, наконец, поиск героя, обликом и характером созвучного атмосфере эпохи, — все это волновало и вместе с тем будило фантазию молодого артиста. Можно сказать, что именно бурное время первых послереволюционных лет явилось главным источником, сформировавшим мировоззрение и творческое кредо Ермолаева — артиста и человека.

Мальчиком из крестьянской семьи он приехал в красный Петроград, богом ветра Вайю артист ворвался на академическую сцену Ленинградского театра оперы и балета, где в те годы работала блестящая плеяда мастеров: Б. Шавров, М. Дудко, Е. Люком, В. Семенов, П. Гусев, О. Мунгалова... Возглавлял театр всегда стремящийся к поискам Ф. Лопухов, веривший в молодежь и покровительствовавший ей. Ермолаеву было у кого учиться! Но, пожалуй, наибольшее влияние на молодого артиста оказал П. Гусев, который в своей педагогической деятельности был таким же мятежным искателем нового, как и Ермолаев, так же, как и он, стремился к виртуозному совершенству и, не зная усталости, добивался

этого и от своих учеников. Позднее Петр Андреевич напишет о Ермолаеве: «Историческая справка требует сказать, что именно Ермолаев своей неумной фантазией, феноменальными возможностями сверхтренированного тела оказал решающее влияние на развитие мужского танца в советском балете». За четыре года работы в Ленинградском театре оперы и балета Алексей Николаевич осваивает основные ведущие партии репертуара. В 1930 году он становится солистом Московского Большого театра, с которым навсегда окажется связанной его судьба.

Многожанрова и разнохарактерна галерея созданных им образов. Зигфрид («Лебединое озеро»), Дезире («Спящая красавица»), Базиль («Дон Кихот»), Солор («Баддерка»), Филипп («Пламя Парижа»), Евгений («Медный всадник»), Жан де Бриен и Абдерахман («Раймонда»), Альберт и Ганс («Жизель»), Кавалер Рипафратта («Мирандолина»), Ли Шанфу («Красный мак»), Гирей («Бахчисарайский фонтан»), Северьян («Каменный цветок»)... Ну и, конечно же, Тибальд в «Ромео и Джульетте», в котором, как очень точно написал известный певец П. Норцов, «Ермолаев воплотил всю страшную сущность мрачного Средневековья».

Буквально все, кто знал Ермолаева, кто работал вместе с ним, отмечают, что круг его интересов в искусстве был настолько велик, что не укладывался в рамки только исполнительского искусства. Естественно, это не могло не проявиться — он рано обнаружил интерес к созданию самостоятельных балетных спектаклей. Их в его биографии немного. Два из них связаны с белорусской балетной сценой. Балет «Соловей» М. Крошнера стал основополагающим для национального театра. «Величавость народного эпоса, простота лирики, мужество, радость и грусть, ласка и гнев — все эти краски фольклора по-новому и по-балетному заиграли в танцах Ермолаева», — писал Ю. Слонимский, работавший вместе с Алексеем Николаевичем как сценарист балета. Первый спектакль Ермолаева отличался близкой его творческой манере приподнятой героической тональностью. Создавая эту хореографическую легенду, он «лепил» характеры яркие, цельные, значительные, трактовал события сюжета в эмоционально-патетическом плане. «Соловей», показанный на декаде белорусского искусства в Москве в 1940 году, имел большой успех и по праву вошел в историю как первый национальный балет. Второй спектакль Ермолаева «Пламенные сердца» (на музыку В. Золотарева) родился почти через пятнадцать лет — и снова на белорусской сцене.

Интересное место в творчестве А. Ермолаева занимает его моноконцерт «Мир победит войну», показанный на сцене Филармонического театра СССР в 1952 году. Это уникальное представление было сочинено и исполнено одним актером — Ермолаевым. Без партнеров и партнерш он показал восемь сольных композиций — «Возвращение на Родину», «Поздравляю с сыном!», «Агрессор» и другие.

«...Темы хореоминыятур, составляющих моноконцерт, были острыми и злободневными. Воплощение их требовало обширного жанрового разнообразия: от героической патетики и обыденности до сатиры и гротеска. Создание этого концерта раскрыло огромный диапазон дарования артиста не только как танцовщика, но и утвердило Ермолаева-сценариста, Ермолаева-режиссера», — вспоминал друг и единомышленник Алексея Николаевича А. Радунский. Этой работой Ермолаев практически доказал, что «современная тема может получить свое воплощение на балетной сцене...», как писала газета «Советский артист».

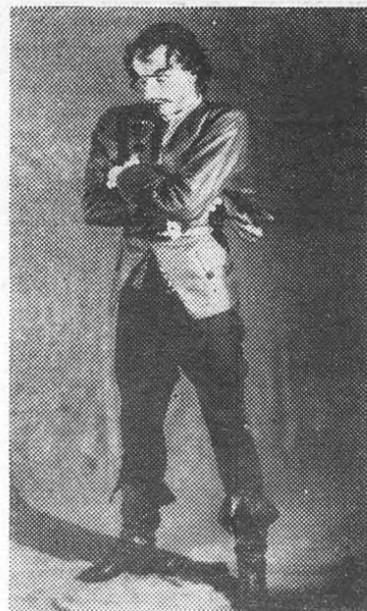
Алексей Николаевич обладал выдающимися музыкальными способностями, что признавалось еще в хореографическом училище. А в 1926 году А. Глазунов собственноручно вписал имя Ермолаева в число зачисленных студентов Ленинградской консерватории, но юноша предпочел стать танцовщиком. Однако музыкальность была не только органично присуща его танцу, диктовала и оправдывала его поиск в новых решениях вариаций и сцен. Музыка помогала Ермолаеву обрести равновесие внутреннего мира, возвращала ему состояние гармонии, вносила покой в его сложную, остро переживаемую, бьющую, вечно неудовлетворенную душу.

Я вспоминаю, как мне довелось услышать, скорее, невольно стать свидетелем исполнения Алексеем Николаевичем пьесы «Весенние воды» С. Рахманинова. Глубоко эмоциональный композитор и пианист, вкладывающий в свои произведения все богатство своей природы, своей души, был, как мне кажется, очень близок Ермолаеву. Слушая игру своего педагога, я ощущал это.

Особая страница биографии Ермолаева — его педагогическая деятельность. К сожалению, ее пока не коснулось перо исследователя-балетоведа. А ведь его уроки и репетиции заслуживают самого глубокого и серьезного изучения.

Педагог-репетитор в Большом театре СССР, педагог и художественный руководитель Московского хореографического училища, он воспитал целую плеяду одаренных танцовщиков, среди которых В. Васильев, М. Лавровский, В. Тихонов, Ю. Владимиров, А. Годунов, В. Лагунов и многие другие. Имел счастье заниматься у мастера и я. Одни из них учились у него в школе, другие пришли в его класс со школьной скамьи, третьи встретились с Ермолаевым, уже заняв положение солистов прославленной группы, но все мы вместе и каждый в отдельности с гордостью и радостью называем себя его учениками, своим творчеством по всему миру утверждая тот новый стиль мужского танца, разработке принципов которого посвятил свою жизнь наш учитель. Нам он старался передать и «рыцарское отношение к искусству танца», и вечную неудовлетворенность сделанным, и свои методы работы над ролями, и любовь к поиску, и «беспокойный дух творчества», который всегда жил в нем самом.

Его уроки и репетиции — это целая творческая лаборатория, в которой шел поиск новых движений и выразительных средств. ...Как будто это было вчера, перед моими глазами встает Алексей Николаевич, медленно прошагивающий вдоль станка

НА СНИМКЕ: А. Ермолаев — кавалер Рипафратта (балет «Мирандолина»).

и при этом делающий короткие остановки около того или иного ученика, чтобы даже в сверхсложных по координации исполнения комбинациях потребовать соблюдения четких, плотных позиций, что считал непреложным законом профессионализма.

Далеко не каждый мог заниматься в классе Ермолаева, не всем удавалось репетировать с ним — слишком уж тяжелы и сложны были те задачи, которые он решал в процессе своей работы. Нетрадиционность самих движений, построения комбинаций, а отсюда и всего урока в целом, требовала от нас повышенной координированности, особой физической подготовленности, ясности вестибулярного аппарата, особой силы мышц, их выносливости и «увеличенных», как он любил говорить, данных, то есть большого шага, хорошей выворотности, прыжка, вращения, словом, всего того, из чего складывается настоящий танцовщик.

Прекрасных учителей имел сам Ермолаев. О В. Пономареве я уже говорил. Но назовем еще Н. Легата, В. Семенова, А. Ширяева. Они помогли ему стать носителем традиций русской школы классического танца, передающихся из поколения в поколение, поддерживали в нем и дух неумного поиска. И в школе, и в театре ему много дало общение с Ф. Лопуховым и П. Гусевым, а позже — встречи и совместная работа с В. Вайнонемом, Р. Захаровым, А. Радунским, Л. Лавровским и Ю. Григоровичем...

Надо ли говорить о том, что мы, ученики, восторженно воспринимали все поиски Ермолаева и, как принято говорить, шли на его уроки и репетиции, как на праздник. Не меньшее значение для всех нас имели те человеческие контакты, на которые был так щедр Алексей Николаев

и которые позволяли ему знать каждого из нас, а нам — доверять ему безмерно. В его классе, на репетициях царил дух хорошего соперничества, соревнования, ощущалась та настоящая рабочая атмосфера, которая так помогает постигать секреты нашего искусства танца, продвигаться вперед в творчестве.

Класс Ермолаева называли не иначе как «ермолаевским». Для педагога — это высшая оценка его таланта и труда, показатель незаурядной самобытности, свидетельством его яркой индивидуальности.

...Я смотрю на фотографию, лежащую передо мной, запечатлевшую Ермолаева в партии бога ветра Вайю. Именно с этой роли начался неповторимый сценический путь артиста, художника танца XX столетия. Вихрем он ворвался на балетную сцену, испровергая все старое, отжившее, прокладывая путь новому, передовому. Этот полет продолжается и сегодня. Он будет продолжаться и завтра — в его учениках, учениках его учеников. Он, как и само искусство танца, вечен, потому что устремлен в будущее.

Борис АКИМОВ,
народный артист СССР.